



Книги Павла Корнева
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ПОВЯЗАННЫЙ КРОВЬЮ
МЕЖСЕЗОНЬЕ
ПОСЛЕДНИЙ ГОРОД
ПЯТНО**

**ДИВИЗИОННЫЙ КОМИССАР
БЕЗ ГНЕВА И ПРИСТРАСТИЯ**

Цикл
«ПРИГРАНИЧЬЕ»

**ЛЕД
СКОЛЬЗКИЙ
ЧЕРНЫЕ СНЫ
ЧЕРНЫЙ ПОЛДЕНЬ
ЛЕДЯНАЯ ЦИТАДЕЛЬ
ТАМ, ГДЕ ТЕПЛО
ЛЕД. ЧИСТИЛЬЩИК**
В соавторстве
с Андреем Кружом
**ХМЕЛЬ И КЛОНДАЙК
ХОЛОД, ПИВО, ДРОБОВИК
ВЕДЬМЫ, КАРТА, КАРАБИН**

Цикл
«ЭКЗОРЦИСТ»

**ПРОКЛЯТЫЙ МЕТАЛЛ
ЖНЕЦ
МОР
ОСКВЕРНИТЕЛЬ**

Цикл
«СИЯТЕЛЬНЫЙ»

**СИЯТЕЛЬНЫЙ
БЕССЕРДЕЧНЫЙ
ПАДШИЙ
СПЯЩИЙ**





ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ПАВЕЛ КОРНЕВ

СПЯЩИЙ



РОМАН

Москва, 2016
САРМАДА
&
«Издательство А.ПЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К67

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1026

Художник
М. Поповский

Корнев П. Н.
К67 Спящий: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 377 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2306-4

Новый Вавилон — столица могущественной Второй Империи. Над городом парят дирижабли, по железным дорогам мчат паровозы, а фабричные трубы не перестают дымить ни на миг. И все же главенство науки не безоговорочно. Магия не исчезла из мира, она до сих пор растворена в крови тех, кого именуют сиятельными. Убежденным механистам непросто это принять, но не в их силах изменить устоявшийся порядок вещей.

Все грозит перемениться со смертью вдовствующей императрицы, и Леопольд Орсо, сиятельный, яснее других ощущает витающие в воздухе перемены. Его манят далекие страны, но мрачное прошлое держит смертоносным капканом. И невозможно предсказать заранее, утянет водоворот грядущих событий беспокойного сиятельного на самое дно или забросит в невообразимую высь. И останется ли куда его забрасывать вообще...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Корнев П. Н., 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2306-4

Сердце, закатанное в банку консервную,
Начинает биться вновь.

Группа «Стимфония». Сердце

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Мишень. Серебряные пули и дымовая завеса

1

Любая бритва по сути своей является подобием ритуального серпа кельтских друидов в праздник обновления природы. Одно движение рукой — и кожа становится чистой, а лицо молодеет, словно вместе со сбритой щетиной отсекается груз прожитых дней.

Я оценивающе посмотрел на отражение в зеркале и кивнул, соглашаясь с собственными рассуждениями. Потом стряхнул пену с бритвы в тазик с теплой водой, провел лезвием по намыленной щеке, и вновь — чистая полоса.

Последнюю неделю я не утруждал себя бритьем, и потому заточенный металл словно бы убирал само время. Я молодеел буквально на глазах.

Впрочем, бритву неспроста называют опасной: отвлечешься — и пореза не избежать.

Я не отвлекся. Меня отвлекли.

— Дорогой! — послышалось из спальни. — Ты уже думал о дне нашей свадьбы?

Рука дрогнула, лезвие безболезненно и очень легко надрезало кожу, выступила капелька крови. Я с обреченным вздохом залепил порез кусочком бумаги и продолжил приводить себя в порядок. Затем sprыснул одеколоном ладони, похлопал по щекам и уже после этого без всякой спешки покинул ванную комнату.

— Ты что-то сказала, дорогая? — со всей возможной невозмутимостью обратился я к Лилиане, которая лежала на кровати с дамским журналом в руках.

Та оторвалась от чтения и повторила вопрос:

— Ты уже думал о дне нашей свадьбы?

— Ты в положении?

— О, Лео! — закатила подруга глаза. — Ты совсем как моя мама! Она тоже постоянно интересуется, не в положении ли я!

— И ты?..

— Нет, я не беременна! — возмущенно фыркнула Лили. — С чего вообще такие мысли?

— А с чего разговоры о свадьбе? — парировал я.

— Не хочешь взять меня в жены?

Я хотел. Да и кто в здравом уме не желал бы сочетаться законным браком с красивой и умной наследницей немалого состояния?

Впрочем, я был достаточно богат, чтобы не принимать подобные условности в расчет. Общество единственной дочери маркиза Монтегю нравилось мне без каких-либо меркантильных соображений.

Лилиана откинула с лица черный локон и напомнила о себе, теряя терпение:

— Лео!

— Хочу! — встрепенулся я. — Разумеется, хочу. Как раз задумался об этой знаменательной дате...

— Врунишка! — легко раскусила Лили мою хитрость.

— На самом деле просто залюбовался тобой.

И вот это уже было чистойшей правдой. Мы с Лилианой были вместе три месяца, а мои чувства к ней лишь крепились день ото дня.

Звучит будто фраза из любовного романа? Все так, но я действительно ее... любил? Наверное. Главное, что при виде Лилианы у меня теплело на душе, а остальное не имело значения. Кто бы что ни говорил...

Лилиана перехватила мой задумчивый взгляд и оправила пеньюар, прикрыв длинной полкой обнаженные ноги.

— Лео, не отвлекайся! — потребовала она.

Я присел на кровать рядом с ней и поцеловал.

— Лео, нет! — рассмеялась Лили, отстраняясь. — Не сейчас! Мама и так говорит, что я совсем тебя загоняла!

— Так и говорит? — изумился я, от удивления даже представ поглаживать стройную девичью ножку.

— Ну, не мне... — смутилась Лилиана. — Папе. Я случайно услышала.

— Подслушала.

— Лео, ты уходишь от разговора!

Я поправил Лили прядь черных волос, полюбовался красотой ее классического профиля и с улыбкой признал:

— Да, я похудел. И что с того?

За лето я и в самом деле сбросил полтора десятка килограммов, но при этом к своей прежней болезненной худобе несколько не приблизился, продолжив оставаться большим и мощным. Стал не худым, но поджарым. И наша любовная связь к этим изменениям не имела ровным счетом никакого отношения. Куда большую роль сыграл свежий воздух горного курорта, занятия с гантелями и правильное питание.

А еще я перестал быть оборотнем.

Да, фамильное проклятие оставило меня в том злополучном подвале в Монтекалиде, и порезы при бритье заживали теперь столь же медленно, как заживают они у всех остальных людей.

Честно говоря, я от такого давно отвык.

— Лео! — помахала ладонью Лилиана у меня перед лицом. — Лео, ты витаешь в облаках!

— Да, дорогая?

— Речь шла не о твоём весе, а о дате нашей свадьбы!

Я поднялся с кровати и отошел к окну. Отель «Бенджамин Франклин» был выстроен на возвышенности, и с его четвертого этажа открывался великолепный вид на историческую часть города. Точнее — открывался бы, не затяни все кругом туманная дымка. Сентябрьская непогода и обычный для столицы смог укутали дома серым полотнищем, из которого выглядывали лишь силуэты крыш и высокие шпили дворцов.

— О дате нашей свадьбы? — задумчиво протянул я. — Тебя интересует какой-то конкретный день?

Лилиана зашуршала страницами журнала.

— Здесь пишут, герцог Логрин объявил о помолвке старшей дочери с бароном Алстоном. Бракосочетание состоится двадцатого октября, в день памяти императора Климента. Очень символическая дата, Лео, не правда ли?

Я пожал плечами.

— Меня устроит любая.

— Даже так?

— Да. Только не здесь, не в Новом Вавилоне. Завтра мы улетаем на континент, не забыла? Можем остановиться на неделю в Мадриде, а оттуда перебраться в Барселону. Как тебе такая идея?

— Идея просто замечательная! — улыбнулась Лилиана, но тут же наморщила лоб. — Подожди, Лео! Ты сказал — завтра? А у меня будет время повидаться с родителями?

— Вылет назначен на половину шестого вечера, — успокоил я ее и обернулся от окна. — А они разве еще не знают о нашем отъезде?

— Не было подходящего случая сообщить, — легкомысленно ответила Лили. — Завтра расскажем. Ты ведь поедешь со мной?

— Если это необходимо...

— Лео, не волнуйся! Папа с мамой от тебя без ума. Они не запрут меня дома!

— Очень на это надеюсь, — усмехнулся я.

— Хотя... — вздохнула Лилиана. — Ты точно не хочешь задержаться в Новом Вавилоне?

Я не хотел. В столице было проще простого случайно повстречаться с кем-нибудь из старых знакомых, а мне вовсе не хотелось вновь попасть в поле зрения Третьего департамента или хуже того — людей из окружения ее величества. И потому ответил я одним коротким безапелляционным:

— Нет!

Лилиана прекрасно расслышала проскользнувшую в моем голосе нотку раздражения и вскинула голову.

— Лео, тебя что-то беспокоит?

Я вздохнул. Давным-давно стоило посвятить Лили в некоторые тайны своего прошлого, но на это попросту не хватало духу. Я боялся. Боялся напугать, боялся оттолкнуть. И потому молчал.

Не стал я раскрывать истинных причин своего беспокойства и сейчас. Отвернулся к окну и посмотрел на серый город, затем с тяжелым вздохом произнес:

— В газетах пишут, ее величество преставится со дня на день. У ее высочества здоровье тоже не самое крепкое. Рабочие устраивают стачки. Социалисты требуют роспуска императорского совета и учреждения выборного сената. Анархисты швырнули бомбу в министра юстиции, тот лишь чудом избежал смерти. Стреляли в судью Высокого императорского суда. Закидали бутылками с керосином призывной пункт. И так — каждый день. Я хочу оказаться как можно дальше отсюда, когда все полетит в тартарары.

— Как скажешь, дорогой. Как скажешь.

Я наклонился поцеловать Лилиану и предупредил:

— Вернусь часа через два.

— Я буду ждать, — вздохнула она, раскрыла журнал и вдруг поинтересовалась: — Помнишь, как мы останавливались здесь первый раз, в июне?

— Да. А что?

— Я тогда лежала в кровати и все ждала, что ты постучишься ко мне. Но так и не дождалась стука в дверь и уснула.

— Могу постучаться прямо сейчас, — с улыбкой предложил я.

— Нет! — не согласилась Лили. — Иди по своим делам. А я буду томиться в ожидании стука. Ты ведь постучишь?

— Всенепременно постучу, — пообещал я, еще раз поцеловал подругу и ушел в собственный номер, смежный с апартаментами Лилианы.

Надолго там не задержался. Только поменял сорочку на свежую, повязал шейный платок и надел пиджак. Ни зонт, ни плащ брать не стал — на улице было хоть и пасмурно, но сухо. Сезон осенних дождей еще не наступил.

Выдвинув верхний ящик секретера, я вынул из него паспорт, бумажник и «Цербер», рассовал их по карманам и направился на выход.

— Лео! — окликнула меня Лилиана.

— Да? — заглянул я в дверь смежного номера.

— Возвращайся скорее. И не забудь — мы приглашены вечером к Альберту и Елизавете-Марии!

— Не беспокойся, задерживаться не планирую, — спокойно уверил я Лириану, хотя приглашение на ужин совсем вылетело у меня из головы.

После триумфального выступления в Монтекалиде, завершившегося обмороками и массовыми галлюцинациями, Альберт Брандт приобрел скандальную известность настоящего кудесника слова и стал желанным гостем на столичных светских раутах. Вместо возвращения в Новый Свет он снял дом где-то неподалеку от академии и готовился поставить в Императорском театре собственную пьесу.

Проигнорировать приглашение поэта было бы с моей стороны по меньшей мере невежливо — кто знает, когда доведется вернуться в Новый Вавилон? — и оставалось лишь уповать на то, что в гости к Альберту не соберется вся столичная богема.

Я взял с полки котелок и вышел в коридор. Лифтом решил не пользоваться, вместо этого направился к лестнице, размышляя, какую безделушку подарить Альберту на память.

Проходя мимо стола коридорного, я небрежным кивком поприветствовал заспанного клерка, спустился на первый этаж и направился к стойке портье, но меня опередил шустрый господин средних лет, худощавый и рыжеволосый.

— К господину Витштейну, — произнес он с явственным ирландским акцентом, а когда портье открыл журнал, представился: — Линч. Шон Линч.

Клерк отыскал фамилию в списке гостей и молча указал на лифт, потом с дежурной улыбкой обратился ко мне:

— Чем могу служить, господин Шатунов?

Я поймал себя на том, что слишком уж пристально смотрю вслед рыжеволосому ирландцу, встрепенулся и выложил на стойку ключ от номера.

— Просто хотел оставить ключ!

— Будут какие-то пожелания?

— Нет, ничего, — покачал я головой и, нервно помахивая рукой, зашагал через вестибюль.

Прозвучавшая фамилия откровенно выбила из колеи, ведь речь точно шла об Аврааме Витштейне, вице-президенте одноименного Банкирского дома. Случайная встреча с ним в вестибюле отеля грозила легко и бесповоротно разрушить мое инкогнито.

Дьявол! Не стоило поддаваться на уговоры Лилианы и вновь останавливаться в «Бенджамине ФранкLINE»! Черт бы побрал эту сентиментальность!

Я поморщился, нервным толчком распахнул дверь и шагнул на улицу к наряженному в цветастую ливрею швейцару. В ответ на дежурную улыбку я улыбнулся ничуть не менее формально, окинул быстрым взглядом запруженную праздной публикой Императорскую площадь и нацепил на нос темные очки.

Отвлекся лишь на миг, но это краткое мгновение все и решило.

— Ни с места! Руки вверх! — раздалось сзади, и я замер на полушаге.

Рука сама собой метнулась к боковому карману пиджака, и мне едва удалось отдернуть ее в сторону, прежде чем открыли стрельбу обступившие со всех сторон крепкие парни в штатском. Револьверы они держали на изготовку, пальцы замерли на спусковых крючках.

А сыщик за спиной без промедления выдал новое распоряжение:

— На колени! Руки за голову!

Я заколебался, но сразу решил, что нежелание пачкать брюки о пыль брусчатки едва ли является достойной причиной испытать на себе действие электрического разрядника. Единственное, что позволил себе, — это опуститься на колени без лишней спешки, в тщетной попытке сохранить остатки собственного достоинства.

Где-то поблизости яростно рыкнул пороховой движок, и на площадь из переулка неожиданно резво выкатился неповоротливый полицейский броневик. Зеваки так и прыснули в разные стороны, а разносчик газет и вовсе едва не угодил под колеса, спеша откатить в сторону ручную тележку.

Сыщик подступил сзади, завернул мне руки за спину и, защелкнув на запястьях стальные браслеты наручников, с некоторой даже торжественностью в голосе объявил:

— Леопольд Орсо! Вы арестованы по обвинению в убийстве!

Я выдохнул беззвучное проклятие.

Прошлое все же настигло меня. И, как это обычно водится, настигло в самый неподходящий момент.

— Встаньте!

Неловко из-за скованных за спиной рук я поднялся с колен и уточнил:

— И кого же я убил?

— Об этом спросите следователя! — последовал лаконичный ответ, и меня втолкнули в темное нутро броневика.

2

Арестант — существо бесправное. С момента задержания и до прибытия в участок из правового поля он попросту выпадает, и приключиться с ним за это время может абсолютно что угодно. Вплоть до падения с моста в мутные воды Ярдена. А испытать на себе выворачивание рук, удары по почкам и удушающие захваты доводится едва ли не каждому второму задержанному.

Но не в моем случае. Набившиеся в броневик сыщики в штатском за всю поездку не задали ни единого вопроса, лишь удерживали на прицелах револьверов. Они словно опасались, что я разорву сковавшую браслеты наручников цепочку и наброшусь на них с кулаками.

Страх. Я чувствовал их страх.

Конвоиров было шестеро против одного, но они откровенно опасались меня, и это было действительно странно.

Наслышаны о моем таланте? Очень сомневаюсь...

Как бы то ни было, я не предпринял ни малейшей попытки разговорить сыщиков, дабы прояснить детали предъявленного обвинения, и молча сидел на лавке. Просто не хотелось давать повод нервным парням понаделать во мне дырок. Знаю точно, они открыли бы стрельбу на поражение без малейших колебаний.

Пороховой движок броневика размеренно чихал, мощные колеса сглаживали неровности брусчатки, и лишь когда попадались совсем уж серьезные выбоины, меня мотало на лавке от одного конвоира к другому. А потом дневной свет померк, серость хмурого неба за решетками боковых окошек сменилась полумраком ангара, и тяжелый самоходный экипаж остановился.

Броневик привез меня в гараж полицейского управления метрополии — на жаргоне столичных уголовников это называлось «сыграть в «Ящик».

Сыщик справа отцепил крепившуюся наручники к полу цепочку. Сыщик слева распахнул боковую дверь.

— На выход! — распорядился полицейский напротив.

Ох, как же вас много, ребята, на меня одного...

Но дальше стало только хуже. В просторном гараже меня дожидались вооруженные самозарядными карабинами и четырехствольными лупарами констебли. Лодыжки немедленно сковали ножными кандалами, и под брэнчание стальных звеньев я засеменял по коридору, будто особо опасный рецидивист.

Здание полицейского управления, огромное и монументальное, занимало целый квартал да еще уходило на несколько этажей под землю. Случайный человек мог блуждать по его запутанным закоулкам в поисках нужной двери часами, и среди констеблей ходило немало страшных историй о сослуживцах, которые пропали без вести, просто свернув не в тот коридор.

Честно говоря, я всерьез опасался разделить их судьбу, но не прошло и пары минут, как меня завели в небольшое помещение без окон, залитое ослепительно-резким светом электрических ламп.

Обыск много времени не занял, если это вообще можно было назвать обыском. Пришлось попросту снять всю одежду, а взамен натянуть полосатую робу арестанта. Личные вещи без досмотра убрали в холщовый мешок и запечатали сургучной печатью.

Следующая остановка случилась в фотомастерской. Там меня усадили на деревянный стул — своими многочисленными зажимами и крепежами он определенно напоминал стул электрический, — и флегматичный мастер закрепил голову в тисках, дабы сделать снимок анфас, а затем последовал снимок в профиль. После этого фотограф запечатлел все мои татуировки, а полицейский клерк снял отпечатки пальцев, вымарав кожу черной тушью и заставив приложить ладони к листу плотной желтоватой бумаги.

Последующая тягомотина с измерением роста и составлением списка особых примет заняла никак не менее часа, и ста-

ло ясно, что в отличие от прошлых задержаний сейчас все серьезно и оформление идет в полном соответствии с протоколом.

Какого дьявола?!

Но хоть меня так и потряхивало от нервного перенапряжения, приставать с расспросами к бывшим коллегам я повременил. Скоро. Скоро все прояснится само собой. И, возможно, я еще пожалею, что не остался в блаженном неведении.

Но одно было ясно уже сейчас: задержание не имело никакого отношения к моим летним неприятностям в Монтекалиде, поскольку Томас Смит добился снятия всех обвинений в причастности к убийству бармена-индуса, а гибель супругов Тачини объявили несчастным случаем еще на стадии предварительного следствия. В заключении коронера ничего не говорилось о самоубийстве и пулевых ранениях, упоминались лишь многочисленные повреждения, полученные ими в результате обрушения перекрытий ветхого здания.

Потрясение прошло, тяжким грузом навалились страхи. Сдерживать тремор удавалось со все большим трудом, но я упрямо стиснул зубы и стал дожидаться окончания формальных процедур. Одно было ясно совершенно точно: это официальное задержание, а вовсе не произвол людей из окружения ее величества.

До меня добралась вовсе не лейб-гвардия, и это оставляло неплохие шансы на благополучный исход дела. И не важно, насколько серьезное обвинение собираются предъявить, — к богатым особое отношение. Я больше не был безденежным голодранцем, я мог позволить себе нанять самых известных столичных адвокатов. В худшем случае процесс затянется на годы, в лучшем — меня отпустят на свободу уже этим вечером.

Очень хотелось в это верить...

После фотомастерской под размеренный стук подкованных ботинок конвоиры провели меня в комнату для допросов. Там ножные кандалы прицепили к вмурованному в стену кольцу, а наручники соединили стальной цепочкой с массивным столом, чьи ножки были привинчены к полу.

Лампы под потолком светили прямо в глаза, но смотреть здесь в любом случае было не на что. Глухие стены с отсырев-

шей и потрескавшейся штукатуркой, пыльный пол, обшарпанная мебель. Если не брать в расчет электрическое освещение, в подобных декорациях мог проходить допрос преступника и сто, и двести лет назад.

Из общего ряда выбивалась лишь машина фонографа в дальнем углу. В камере он казался совершенно неуместным.

Какое-то время я шурился, разглядывая звукозаписывающий аппарат, затем откинулся на неудобную и жесткую спинку стула и закрыл глаза. Не стал их открывать, даже когда под скрип ржавых петель распахнулась входная дверь.

В этом попросту не было никакой нужды. Я узнал вошедшего и со смеженными веками. Слишком уж характерным оказался враз перебивший затхлую сырость камеры аромат его одеколona и тонкий запах дорогих сигарет.

— Давно не виделись, инспектор! — усмехнулся я старому знакомому.

— Старший инспектор! — поправил меня Моран, кинув на край стола со своей стороны пухлую папку с документами. — Старший инспектор, господин Орсо. Старший. Вам ли не знать разницы?

С нашей последней встречи Бастиан Моран несколько не изменился. Худое лицо по-прежнему отмечала аристократическая бледность, а напомаженные волосы, круто заломленные брови и тонкие губы придавали ему несвойственный полицейскому вид декадентствующего франта. Утонченному образу полностью соответствовали ухоженные руки, да и модный костюм и дорогая сорочка с алмазными запонками несколько не подкачали, но все решительно портили холодные серые глаза матерого душегуба.

Легавый — он легавый и есть. Это не оскорбление, это как каторжанское клеймо. Работа накладывает свой отпечаток на всех нас.

— Все готово! — объявил ассистент, вставив в фонограф новый валик.

— Начинайте запись! — скомандовал Моран.

Полицейский клерк запустил аппарат, и под тихое басовитое гудение тот принялся мелко подрагивать и едва слышно скрипеть. Свет в камере несколько раз мигнул, но, к моему ве-

личайшему разочарованию, сеть выдержала возросшую нагрузку и замыкания не произошло.

Ассистент покинул камеру, и я, прекрасно осознавая, что в протокол попадет каждое сказанное мною слово, не удержался от шпильки:

— Не прекратите хватать на улицах добропорядочных подданных ее величества, так и до понижения недалеко... старший инспектор.

Бастиан Моран изогнул крутую бровь в немом изумлении.

— Добропорядочных? — произнес он с показным удивлением в голосе. — Добропорядочный подданный ее величества в этой комнате только один, и это не вы, Леопольд Орсо. Или же вас следует называть Львом Шатуновым?

Старший инспектор достал из папки мой новый паспорт и с презрительной ухмылкой кинул его на стол. Я в ответ лишь спокойно пожал плечами.

— Как вам будет угодно, так и называйте.

Но едва ли мое спокойствие произвело на Морана хоть какое-то впечатление. Он скривил в ехидной улыбке тонкие губы и заявил:

— Добропорядочному человеку нет нужды в поддельных документах.

— Так меня только из-за этого в кандалы заковали? — звякнул я стальной цепочкой наручников. — Напомнить номер имперского уложения о национальных паспортах? Не забывайте, старший инспектор, мой дед был русским. Фамилию Орсо он взял при пожаловании дворянства...

И сейчас я нисколько не блефовал. Документы на имя Льва Борисовича Шатунова проходили по всем реестрам изначально, и впоследствии моему поверенному не составило особого труда составить и задним числом приобщить к делу официальное прошение о выдаче нового паспорта.

Обошлось это в небольшое состояние, но оно того стоило.

Не сказать, что Бастиан Моран при этих словах переменялся в лице, но вид он принял на редкость озадаченный.

— Леопольд, вы отдаете себе отчет, что это заявление чрезвычайно просто проверить? — спросил старший инспектор.

— Чем раньше направите телеграмму в Петроград, тем раньше получите ответ, — спокойно ответил я. — И тем мень-

шую сумму вчинит мой поверенный полицейскому управлению за незаконное задержание.

Моран поднялся из-за стола и покинул камеру, но очень скоро вернулся, вероятно поручив составить запрос в Петроград ассистенту. С ходу он возобновлять расспросы не стал, вместо этого достал из кармана пачку «Честерфилда», закурил и выдохнул к потолку струю пахучего дыма.

Я демонстративно поморщился.

Старший инспектор не обратил на мою гримасу никакого внимания, стряхнул пепел прямо на пол, вновь уселся за стол и принялся листать подшитые в папку документы, словно желая освежить в памяти материалы дела. Та легкость, с которой было опровергнуто первое обвинение, оказалась для него неприятным сюрпризом.

От табачного дыма у меня начало першить в горле, но, когда Бастиан Моран потушил сигарету, я несколько этому обрадовался. Очень уж резким и решительным движением вдавил он окурочек в край столешницы, поверхность которой и без того пестрела многочисленными пятнами.

— Итак, приступим к делу! — объявил старший инспектор. — Готовы, Леопольд?

— Всегда, — улыбнулся я в ответ, но улыбнулся криво, маскируя за иронией пробежавшую по спине колючими мурашками нервозность.

— Где вы находились семнадцатого июня этого года? — спросил старший инспектор и даже подался вперед, словно пытаясь застигнуть меня неожиданным вопросом врасплох.

И застал. Фыркнул я в ответ совершенно искренне:

— Понятия не имею. А вы сами-то помните?

— Я помню, — подтвердил Моран. — Благодаря вам о том дне у меня остались не самые приятные воспоминания. А это, учитывая мой стаж, — событие нетривиальное.

— Вы что-то путаете. Мы с вами не встречались уже больше года.

— Где вы были семнадцатого июня? — повторил старший инспектор свой странный вопрос.

Я отвел взгляд и принялся разглядывать неровную и потрескавшуюся штукатурку стен, припоминая события ушедшего лета. Июнь? Где я был в июне, семнадцатого числа?

Удивительное дело, но стоило лишь подумать об этом, и события трехмесячной давности восстановились в памяти сами собой. Не так-то просто позабыть давление охватившей шею удавки и безостановочное падение в бездну забвения.

— Нет, не помню, — покачал я головой некоторое время спустя.

— Но вы были в Новом Вавилоне в тот день?

— Вполне может статься, что и был.

— Были, — уверенно заявил Бастиан Моран и достал из папки выписку из журнала регистрации постояльцев «Бенджамина Франклина», заверенную управляющим отеля. — Вот бесспорные доказательства этого факта.

— Позвольте...

— Пожалуйста, — передвинул старший инспектор мне бумажный лист.

Рядом с подписью управляющего было проставлено сегодняшнее число, и это обстоятельство заставило надолго задуматься. Задержание враз перестало казаться апофеозом длительных розыскных мероприятий; скорее всего, все же угрозой попасться на глаза кому-то из старых знакомых.

— Надеюсь, вы не станете утверждать, будто тогда еще не были Львом Шатуновым? — усмехнулся Моран, доставая из пачки новую сигарету.

— Вы слишком много курите, — предупредил я. — Это плохо для легких.

— Отвечайте на вопрос!

— В середине июня я действительно провел несколько дней в столице и действительно останавливался в «Бенджамине ФранкLINE». Было ли это именно семнадцатого числа? Не помню, но оснований не верить выписке у меня нет. Предположим, в этот день я был в Новом Вавилоне. Что дальше?

Никак не выказывая своего удовлетворения моим ответом, старший инспектор глубоко затынулся, затем снова вдавил сигарету в столешницу и спокойно произнес:

— Отпечатки ваших пальцев были обнаружены на месте преступления.

— Да будет вам! — рассмеялся я. — Вы меня разыгрываете!

— Ничуть.

— Не понимаю, о чем вы говорите. Это какое-то недоразумение.

Бастиан Моран без всякого сомнения раскусил мою игру, но, поскольку я не запирался и не отрицал своего присутствия в Новом Вавилоне, ему волей-неволей пришлось выложить на стол свой следующий козырь. Точнее, колоду козырей в виде многочисленных снимков стреляных пистолетных гильз, фотокопии карточки с отпечатками пальцев из моего досье и заключения экспертов, заверенного сразу несколькими синими печатями.

— Эти гильзы были обнаружены на месте преступления, — начал излагать свою версию старший инспектор, — и снятые с них отпечатки пальцев совпали с вашими отпечатками, хранившимися в полицейской картотеке. Заключение криминалистической экспертизы, как и сегодняшнее повторное исследование, это полностью подтверждает. И что, Леопольд, вы скажете на это?

Меня пробил пот, и сохранить невозмутимое выражение лица получилось с превеликим трудом. Да и получилось ли? Уверен, собеседник видел меня насквозь.

Желая выгадать время, я протянул руку за фотографиями, но слишком короткая цепь не позволила достать до них.

— Разрешите? — попросил я тогда старшего инспектора.

Бастиан Моран спокойно пододвинул ко мне стопку снимков и расслабленно улыбнулся.

— Никакого подвоха, Леопольд! И уверен, вы и без моих напоминаний знаете, что чистосердечное признание смягчает ответственность. Подумайте об этом. Хорошенько подумайте!

Я ничего не ответил, быстро просмотрел фотоснимки и перевел взгляд на старшего инспектора, но тот уже вернул заключения криминалистов обратно в папку, не дав возможности ознакомиться и с ними. И это было воистину странно: без экспертных заключений все эти фотографии — простой набор невнятных картинок, так почему же Моран не захотел вбить последний гвоздь в крышку моего гроба?

Я был почти уверен, что знаю ответ, и все же горло пересохло, а душу уколел острый приступ страха, зазвенело в ушах. Да, я испугался. А кто бы на моем месте сумел сохранить присутствие духа? Жизнь на каторге не сахар, и невелика разница,

отправят меня заниматься заготовкой леса в заснеженной Сибири или сгноят адским трудом в не столь отдаленных каменоломнях. В любом случае едва ли получится дожить до конца срока, который назначит судья за убийство шести человек, пусть даже индусов. Будет совсем непросто доказать, что они были душителями Кали и напали на меня первыми...

Дьявол!

Дьявол! Дьявол! Дьявол!

Усилием воли я подавил панику, отвел взгляд от довольной физиономии Бастиана Морана и уставился на пятно обвалившейся штукатурки. Фонограф в углу по-прежнему размеренно гудел, поэтому я не спешил с объяснениями, тщательно подбирая правильные слова.

— Леопольд, — вздохнул Бастиан Моран, уловив охватившие меня сомнения, — буду предельно откровенен: я не до конца понимаю, что именно тогда с вами произошло. Подозреваю, это могла быть самооборона. И если вы расскажете, как все случилось, дело едва ли дойдет даже до предъявления обвинения. Возможно, вас смутили обстоятельства задержания, но мы действовали строго по протоколу. Ничего личного, вы ведь уже попадали в подобные ситуации, не так ли? — напомнил старший инспектор с примирительной улыбкой. — Посудите сами: убитые находились под подозрением в причастности к запрещенной секте тугов, а обнаруженные на месте преступления улики не оставляют в этом ни малейших сомнений. Ни один судья не вынесет в подобных обстоятельствах обвинительный приговор...

В словах собеседника имелся определенный резон, но я слишком хорошо знал внутреннюю кухню Ньютон-Маркта, чтобы принять увещевания старшего инспектора о выгодах сотрудничества со следствием за чистую монету. Когда вас сначала старательно загоняют в угол, а потом вдруг открывают путь к спасению, каждая услужливо распахнутая следователем дверь приведет лишь в еще более тесную камеру.

И потому я предпочел не откровенничать, а соорудить удивленный вид.

— Туги? О чем вы говорите? Я не имею никакого отношения к душителям Кали!

— Леопольд! — досадливо поморщился Бастиан Моран. — Давай не будем играть в эти игры! Дело висит на мне как камень на шее. — Старший инспектор даже приложил к воротнику сорочки холеную ладонь. — И мне надо закрыть его во что бы то ни стало. Главный инспектор рвет и мечет! Помоги мне, и обещаю — уголовного преследования не будет.

— Я всегда рад оказать помощь следствию, — по-прежнему глядя мимо собеседника на пятно обвалившейся штукатурки, произнес я, тщательно подбирая слова. — Но было бы неправильно брать на себя вину за преступление, которого не совершал. Нет, я мог бы оказать вам подобную услугу, но в этом случае истинный убийца избежит наказания, а это противоречит моим принципам. Поймите это правильно, старший инспектор.

— Отпечатки пальцев! — напомнил Моран.

— А что с отпечатками пальцев?

— На гильзах с места преступления обнаружены ваши отпечатки, Леопольд. Глупо и бессмысленно отрицать это. В случае вашего отказа сотрудничать со следствием расследование затянется на долгие месяцы, и все это время вам придется пробывать под стражей. Действительно этого хотите? Лично я не горю желанием созерцать вашу кислую физиономию каждый рабочий день на протяжении года, а то и двух. Уверен, вам общение со мной тоже не доставляет особого удовольствия. Так давайте поможем друг другу. Я не требую ничего сверхъестественного. Просто расскажите, что именно тогда произошло!

Предложение старшего инспектора выбрать меньшее из двух зол совершенно точно не являлось экспромтом; именно на такое развитие событий он уповал, приказывая задержать меня и доставить в Ньютон-Маркт с соблюдением всех предписанных протоколом формальностей. Кандалы и тюремная роба должны были ясно показать, чем обернется отказ сотрудничать со следствием. Вот только излишняя откровенность еще никого до добра не доводила.

Я знал это наверняка и потому предложил:

— Давайте вернемся к отпечаткам пальцев. Насколько точны результаты экспертизы?

— Ошибка исключена!

— Ну конечно! — не удержался я от откровенной усмешки. — Это ведь обычное дело — найти на стреляной гильзе чет-

кий след пальца! И я сейчас не говорю о воздействии пороховых газов и высокой температуры, просто гильза сама по себе... невелика, а площадь ее соприкосновения с подушечкой пальца — еще меньше. Ошибка исключена? Да бросьте!

— И тем не менее это так, — спокойно заявил в ответ Бастиан Моран. — Обнаруженные узоры папиллярных линий полностью соответствуют вашим.

— Те узоры, которые вам удалось обнаружить, старший инспектор. Насколько помню, частичные отметины криминалисты вообще отказываются принимать к рассмотрению, разве нет?

— Я настоял на дактилоскопической экспертизе, и она была проведена с соблюдением всех требований.

Я покривился.

— Не уверен, что суд примет ее результаты в расчет.

— Нет никакой необходимости доводить дело до суда.

— Хорошо! — сдался я. — Вполне допускаю, что это действительно мои отпечатки пальцев. В те дни я выбирал пистолет и обошел несколько оружейных магазинов. Пересмотрел множество моделей и, разумеется, их заряжал и разряжал. Вероятно, это и объясняет совпадение... — нет! — сходство обнаруженных отпечатков.

Высказав свою версию, я отвел взгляд от пятна обвалившейся штукатурки и посмотрел на Морана. Вид у того был как у гурмана, хлебнувшего вместо изысканного марочного вина кислый яблочный уксус.

— Хорошая попытка, — скептически улыбнулся старший инспектор. — Но позволю себе усомниться в ваших словах.

— Сомневайтесь сколько вам угодно. Вопрос в том, усомнятся ли в них присяжные. При задержании у меня изъяли «Цербер». Проверьте по журналу продаж магазина «Золотая пуля». Я купил его как раз в те дни.

— Леопольд! — хлопнул ладонью Бастиан Моран. — Достаточно лжи! Модель пистолета, из которого были произведены выстрелы, не поступала в открытую продажу! Вся партия была направлена прямиком в Новый Свет! В магазине вам дать подобный пистолет в руки попросту не могли!

— А что скажете об оружейном рынке на пьядца Архимеда? — прищурился я. — Помню, однажды во время облавы мы

изъяли там крупнокалиберный «гатлинг», украденный во время ремонта с армейского дирижабля!

Старший инспектор шумно вздохнул и забарабанил пальцами по столу. Теперь в его взгляде читалась откровенная ненависть. Оно и немудрено — названная мной оружейная барачка была давнишней головной болью полиции метрополии, и если пропавшие по дороге в Новый Свет пистолеты где-то и могли всплыть, так это там.

— Значит, на рынке... — протянул Бастиан Моран некоторое время спустя. — Но лавку, где смотрели пистолет, разумеется, не помните?

— Я даже не знаю, какой именно из пистолетов вас интересует. Бродил там несколько часов.

Моран вдруг резко подался ко мне и произнес:

— Я знаю, Леопольд, что это были вы!

— Присяжные обычно с недоверием относятся к интуиции полицейских, — спокойно ответил я, хоть сердце так и дрогнуло, а на спине выступила испарина. — А вот в предубежденность полицейских к задержанным они, напротив, верят чрезвычайно легко. Вы предубежденно относитесь ко мне, старший инспектор. И теперь это зафиксировано в вашей записи.

— Вздор! — коротко выдал Бастиан Моран и в очередной раз хлопнул ладонью по столу. — Вы убили индусов. Я знаю это наверняка. И у меня достаточно улики, чтобы доказать это!

Я откинулся на спинку стула и попытался скрестить на груди руки, но этому помешала натянувшаяся до предела цепь, которой были прикованы к столу наручники.

— Позвольте усомниться в ваших словах. Вы не впервые выдвигаете против меня ничем не обоснованные обвинения, старший инспектор. Ведь так?

Мои слова угодили точно в цель. Бастиан Моран покраснел от бешенства, но все же сдержался и не отвесил затрещину, что непременно проделал бы в подобном случае с обычным арестантом.

— Мои обвинения, Леопольд Орсо, — официальным тоном произнес он, — были обоснованны и тогда, и сейчас!

— Вы это серьезно? — опешил я. — До сих пор подозреваете меня в убийстве Левинсона?

Управляющий столичного отделения Банкирского дома Витштейна был растерзан оборотнем, и Бастиан Моран поначалу заподозрил, будто это моих рук дело. Даже железное алиби не разубедило старшего инспектора, лишь проведенный полицейским медиком анализ крови вынудил его отказаться от предъявления официального обвинения.

Да — тогда я еще не являлся полноценным оборотнем, как не был им и сейчас. И никакой анализ не сможет показать обратное. Пусть часть способностей, вроде инстинктивного уклонения от серебра, и сохранилась, но этот благородный металл больше не был способен отравить мой организм. Кровь не вступит с ним в реакцию ни при каких обстоятельствах.

Бастиан Моран поджал губы, но от прямого ответа на вопрос уходить не стал.

— Да, виконт. Я до сих пор подозреваю вас в причастности к смерти Левинсона! — заявил он после недолгого молчания.

— Но ведь именно я застрелил его убийцу! Я лично сделал это!

— На допросе оборотень мог рассказать об истинных мотивах своего преступления, а вы убили его. Очень удобно, не находите?

— Об истинных мотивах? Разве Прокруст когда-либо нуждался в мотивах?

— Бросьте, Леопольд! — отмахнулся Бастиан Моран. — Мы установили личность застреленного вами оборотня, во время нескольких преступлений Прокруста он дожидался смертной казни в Килмэнхеме! Сбежать ему удалось уже позже!

— Чего вы хотите от меня, старший инспектор? — прямо спросил я.

— Правды!

— Вы ее слышали.

Моран раскрыл папку и небрежно перекинул мне одну из лежавших там фотографий. Я взглянул на снимок и невольно вздрогнул. С листа на меня смотрели мертвые черные глаза индуса. Но напугало вовсе не это, не по себе стало из-за раздавленной гортани покойника. Раздавленной моей собственной рукой.

— И что это за несчастный? — спросил я, подавив нервную дрожь.

— Это одно из тел, рядом с которыми была обнаружена гильза с вашим отпечатком, — пояснил Бастиан Моран.

— С фрагментом отпечатка, — машинально вставил я, но старший инспектор пропустил мою ремарку мимо ушей.

— А вот этот снимок, — выложил Моран следующую фотографию, — был сделан в доме Левинсона. Как видите, характер ранений погибшего в июне индуса и охранника банкира полностью совпадают. Более того, я поднял из архива снимки жертв Прокруста...

— Довольно! — не выдержал я. — Чего вы от меня хотите? Говорите прямо!

— Правды!

— Я все сказал.

— Я знаю, что это вы, — прямо заявил Моран. — Это вы, Леопольд Орсо, убили индусов и вы, без всякого сомнения, причастны к убийству Левинсона. Не знаю, зачем и как, но будьте уверены — это лишь вопрос времени. Я остановлю вас, чего бы мне это ни стоило!

— Мне нужен адвокат.

— Адвокат не поможет! — отмахнулся старший инспектор. — Вы никогда больше не выйдете на свободу, уж поверьте — я об этом позабочусь!

Во рту появилась противная кислинка, но я пересилил себя и усилием воли прогнал подступившую панику.

— У вас нет улик, а сравнение отпечатков было проведено не по правилам. Ни один суд не примет это в расчет. Отпечаток зубов убитого мною оборотня совпал с одной из посмертных ран служанки Левинсона. И к тому же, если я оборотень, давайте пойдем самым простым путем и сделаем анализ крови. В прошлый раз он ничего не показал!

— Всему свое время, — нахмурился Бастиан Моран. — Проведем и анализы. Я лично разрежу вас на мелкие кусочки, но добьюсь правды.

— Звучит как угроза.

Старший инспектор поднялся из-за стола, выключил фонограф и вынул из него валик.

— Да неужели? — обернулся он ко мне с недоброй ухмылкой. — Что навело вас на эту мысль?

Ответить я не успел. Резким толчком распахнулась дверь, и в камере в один миг стало тесно и невыносимо душно, хоть к нам и присоединился один-единственный человек.

Главный инспектор полиции метрополии Фридрих фон Нальц был стар и лицом походил на туземного идола, вырезанного из древнего соснового корневища. Отблеск бесцветных глаз был явственно различим даже в ярком свете электрических ламп, а исходящий от старика призрачный жар заставлял воздух колебаться вокруг него раскаленным маревом.

Впрочем, мне это только показалось. У страха глаза велики, а я боялся главного инспектора куда больше всех угроз Морана вместе взятых. Если фон Нальц решит выбить из меня правду, помехой ему не станут ни адвокаты, ни Высокий императорский суд.

Талант главного инспектора мог прожарить человека за пару секунд, но, к счастью, обратил свое внимание старик вовсе не на меня.

— Бастиан! — обратился фон Нальц к старшему инспектору. — Что здесь происходит?!

— Проводятся следственные мероприятия, — ответил тот с невозмутимым видом и выгнул бровь. — А что?

— Прошу извинить нас, Леопольд, — вздохнул Фридрих фон Нальц и позвал Морана в коридор. — На минуту, Бастиан...

Мне окончательно сделалось не по себе, ведь главный инспектор прекрасно знал о моем родстве с императорской фамилией. Пусть мама и была незаконнорожденной дочерью великого герцога Аравийского, брата императора Климента, но кровь не вода. Фон Нальц полагал подобный статус вполне достаточным для вмешательства в мою судьбу, и в прошлый раз это вмешательство обернулось вырезанным сердцем.

Чем оно обернется сейчас, было даже страшно представить.

3

Разговор в коридоре продолжался никак не менее четверти часа, и это было удивительно по той простой причине, что едва ли кто-то в полиции метрополии мог противостоять натиску главного инспектора столь долго.

Я уж было подумал, что полицейское руководство решило продолжить разговор в кабинете фон Нальца, но тут вновь распахнулась дверь, и в камеру шагнул Бастиан Моран с побледневшим и закаменевшим от бешенства лицом.

Будь старший инспектор сиятельным и обладай его взглядом способностью убивать, мое сердце остановилось бы в тот же самый миг, да и так по спине побежали мурашки.

Но обошлось.

— Леопольд Орсо, вы свободны! — звенящим от напряжения голосом объявил Бастиан Моран, развернулся и покинул камеру, неестественно четко впечатывая подошвы туфель в каменный пол подвала.

Явившийся ему на смену констебль отпер мои наручники и снял кандалы, а затем незнакомый детектив-сержант выложил на стол целую кипу документов, на каждом из которых требовалось проставить подпись об ознакомлении.

Впрочем, подписка о невыезде вкупе с обязательствами сообщать о смене места жительства и по первому требованию являться в Ньютон-Маркт была в этой ситуации меньшим, что только могли на меня навесить. Я не расстроился.

Черт! Да я был практически на седьмом небе от счастья!

Из помещения для допросов меня препроводили в служебную раздевалку с обшарпанными шкафчиками, затхлым влажным воздухом и кранами, из которых текла ржавая вода. Я попытался отмыть с рук тушь для снятия отпечатков, но лишь впустую перевел обмылок да испортил носовой платок. Кожа на ладонях осталась синевато-серой.

Впрочем, ерунда. Я переделся в возвращенную одежду и, бросив на скамье полосатую тюремную робу, вышел в коридор, уже ощущая себя свободным человеком, но вместо выхода усатый сержант повел меня куда-то вглубь Ньютон-Маркта.

— Простите, любезный... — насторожился я. — Выход в другой стороне!

— Вас желает видеть главный инспектор, — сообщил полицейский и распахнул дверь на лестницу. — Следуйте за мной.

Оспаривать приказ не имело ни малейшего смысла, и с обреченным вздохом я принялся подниматься из подвала. Сер-

жант шагал впереди, сзади шумно сопели два крепких констебля.

Обложили...

В приемной главного инспектора изрядно заинтригованный происходящим адъютант под роспись вернул изъятые при задержании вещи, дал время рассовать их по карманам и лишь после этого уведомил фон Нальца о моем появлении.

— Проходите, главный инспектор готов вас принять, — объявил он, опуская трубку телефонного аппарата на рычажки.

В некоторых ситуациях «готов вас принять» ничем не отличается от «желает вас видеть незамедлительно», поэтому я подавил обреченный вздох и решительно распахнул тяжелую дубовую дверь.

«Цербер» в кармане пиджака придал мне определенную уверенность, но значение имел больше сам факт наличия оружия, а вовсе не возможность пустить его в ход.

В кабинете главы полиции метрополии царил полумрак. Окна закрывал плотный тюль, он скрадывал проникавший с улицы свет и без того пасмурного сентябрьского дня. В камине плясало на дровах тусклое пламя, на стенах приглушенным светом горели газовые рожки. Лампу на заваленном газетами и корреспонденцией столе не включили, и на фоне всеобщей серости помещения ярким светом сияли одни только глаза главного инспектора.

— Вы меня удивляете, Леопольд, — брюзгливо произнес фон Нальц, даже не предложив присесть. — Вы хоть понимаете, что своим поведением дискредитируете память своего великого предка?

— Я не совершил ничего предосудительного, главный инспектор.

Фридрих фон Нальц поморщился и спросил:

— Зачем вам понадобился второй паспорт?

— Хотел начать новую жизнь, — ответил я в общем-то чистую правду. — Разве это запрещено? Паспорт настоящий.

— Окажись он фальшивкой, я не стал бы вмешиваться, — прямо заявил старик. — Но выдвинутое в отношении вас обвинение донельзя...

— Надуманное, — подсказал я.

— Сомнительное, — высказал главный инспектор собственную трактовку. — И поскольку собранные улики являются исключительно косвенными, не вижу оснований удерживать вас на время расследования под арестом. Надеюсь, вы не заставите меня об этом решении пожалеть.

Жгучий взгляд бесцветных глаз ожег недобрым огнем, но тут, к счастью, главный инспектор отвлекся на затрезвонивший телефонный аппарат, и я с облегчением перевел дух.

— Пусть ждут, сейчас спущусь, — выслушав сообщение, ответил Фридрих фон Нальц и раздраженно бросил трубку на рычажки. Несколько секунд он сидел, напряженно глядя перед собой, затем решительно поднялся из-за стола, приблизился и похлопал меня по плечу ладонью, худой и твердой будто доска.

— Леопольд! Мой вам совет: держитесь подальше от неприятностей. Вы ведь не простой обыватель. Ваша репутация должна оставаться безупречной ради памяти деда, который был важнейшим политическим деятелем эпохи становления империи!

Я судорожно сглотнул и сумел выдавить из себя лишь нечто маловразумительное:

— Все это какое-то недоразумение...

— Хочется на это надеяться.

Холодный тон фон Нальца напугал до икоты, и все же я переборол нерешительность и попросил об одолжении:

— Главный инспектор! Не сообщайте ничего моим... родственникам. Я хочу сам решить свои проблемы. Сам, понимаете?

— Это достойно уважения, — кивнул Фридрих фон Нальц. — Думаю, никакой нужды в этом нет. Здоровье ее величества оставляет желать лучшего, ей точно ни к чему лишние волнения.

— Благодарю, — перевел я дух с несказанным облегчением. Главный инспектор улыбнулся.

— Надеюсь, Леопольд, наша следующая встреча случится при куда менее двусмысленных обстоятельствах.

Я часто закивал — сейчас я был готов соглашаться с главным инспектором решительно во всем, — и поспешил вы-

скользнуть в приемную. Адъютант при моем появлении оторвался от печатной машинки и спросил:

— Вызвать дежурного констебля?

— Нет, выход найду, — отказался я. — Мне понадобится какой-нибудь пропуск?

— Идите, я позвоню на проходную.

— Благодарю!

С чувством невероятного облегчения я покинул приемную и первым делом вытянул из кармана пиджака носовой платок, но тот оказался весь в черно-синих разводах туши, вытереть с лица пот не получилось. Сердце постукивало как-то слишком уж неровно, поэтому на втором этаже я по старой памяти заглянул в мужскую уборную, умылся и уставился на отражение в мутном и потрескавшемся зеркале над раковиной.

Отражение выглядело осунувшимся и напуганным.

Проклятье! Да таким я и был: выжатым, словно лимон, и напуганным, как маленький пастушок, вокруг гаснущего костерка которого кружат голодные волки.

Бастиан Моран не отступится. Дьявол! Он точно доведет расследование до конца, раскопает всю подноготную. И дело не в личной неприязни или желании восстановить правосудие — черт, да я же тугов убил! — у старшего инспектора имелся в этом деле какой-то собственный интерес.

Карьерный рост? Фридрих фон Нальц стар, ему недолго занимать пост главного инспектора, но как мое дело поможет продвижению Морана? Да и к чему стремиться раскрыть преступление, если общественность уверена, будто тугов застрелили сами полицейские?

Не понимаю...

На проходной на меня никто даже не взглянул. Начиналась пересменка: одни констебли спешили на службу, другие направлялись на выход после службы. Все они были в штатском, и в общей сутолоке я спокойно покинул Ньютон-Маркт.

А когда вышел в ограниченный колоннадой портика внутренний двор полицейского управления, то с удивлением обнаружил, что на ступенях там собралась немалых размеров толпа. На демонстрацию столпотворение нисколько не походило — жидкая цепочка полицейских легко сдерживала прилично оде-

тых господ, вооруженных не плакатами и палками, а блокнотами, карандашами и фотокамерами.

«Газетчики!» — сообразил я, надел котелок и уже двинулся к боковой арке, когда за спиной вдруг прозвучало:

— Лев! Лев, постойте!

Меня чуть удар не хватил! Машинально и совершенно не задумываясь над собственными действиями, я сунул руку в карман пиджака, но в последний момент опомнился и просто обернулся. Вдогонку за мной спешил черноволосый худощавый молодой человек в неброском костюме и мятой серой кепке.

— Лев, вот уж не ожидал тебя здесь встретить! — рассмеялся Томас Элиот Смит, сыщик Детективного агентства Пинкертона.

Я с облегчением разжал обхватившие рукоять «Цербера» пальцы и, вынув руку из кармана, протянул ее Смицу.

— А уж как я не ожидал встретить тебя, Томас! — улыбнулся я после обмена рукопожатиями и спросил, нацепив на нос темные очки: — Ты ведь собирался возвращаться в Новый Свет? Каким ветром тебя занесло в столицу?

— Это все работа, будь она неладна! — с наигранным сожалением сообщил сыщик, привычным движением разгладил черные усики и поинтересовался: — А что привело тебя в этот оплот правопорядка? Неужели опять проблемы с законом?

— Небольшое недоразумение, — поморщился я. — Ничего серьезного.

— Могу чем-то помочь?

— Нет, все уже разрешилось самым лучшим образом.

В темных глазах сыщика промелькнуло профессиональное недоверие. Впрочем, темными они казались лишь из-за цветных стеклянных линз. Томас Смит был сиятельным, но весьма искусно это скрывал.

Желая отвлечь сыщика от причины своего визита в Ньютон-Маркт, я поспешил спросить:

— Полагаю, стряслось нечто чрезвычайное, раз тебя вновь отправили через Атлантику?

— Лев, я так хорошо зарекомендовал себя этим летом, что меня решили оставить в Старом Свете! — рассмеялся сыщик. — Теперь я разъездной агент-консультант с зоной ответ-

ственности в половину Европы! Париж, Лондон, Лиссабон и Мадрид — где я только не побывал за это лето! Теперь намечается работа в Новом Вавилоне...

У меня на языке так и вертелось обидное словечко «коммивояжер», но смеяться над собеседником я и не подумал. Выпытывать подробности его нового задания тоже не стал, вместо этого указал на толпу.

— Полагаю, ты в курсе причины всеобщего ажиотажа? Что стряслось? Очередная диверсия на оружейной фабрике или громкая выходка анархистов?

По лицу Смита скользнула едва заметная гримаса, словно тема была ему неприятна, и вместо ответа он сунул мне утренний выпуск «Столичных известий», аршинный заголовок которых гласил «Кровавый ритуал на бульваре Фарадея!».

— Очередная утка? — уточнил я, пробежав глазами по статье.

— Нет, — качнул головой сыщик. — Все так и было.

— В самом деле? — удивился я, поскольку в передовице говорилось о преступлении, неординарном даже по меркам всякое повидавшего Нового Вавилона. Убийства в доходных домах редкостью не являлись, но на этот раз своей жертве — молодой незамужней женщине легкого поведения — убийцы выкололи глаза и вырезали сердце. Полицию вызвал квартиросъемщик этажом ниже, с потолка которого начала капать кровь. Выдвигалась версия, что в деле замешаны малефики, но никаких доказательств этого не приводилось. Полиция объявила в розыск сутенера погибшей.

В этот момент два констебля с красными повязками дежурных по управлению на руках распахнули входные двери и для надежности заблокировали их железными стопорами. Газетчики подались вперед, и полицейским из оцепления пришлось приложить немало усилий, дабы выдавить их обратно за колонны портика.

— Главный инспектор собирается сделать заявление? — догадался я.

— Именно, — подтвердил это предположение Томас Смит. — Да вот и он сам...

Фридрих фон Налыц вышел на пресс-конференцию в парадном мундире; адъютант с папкой в руках следовал за главой

полицейской в некотором удалении. Констебли напряглись и еще более потеснили примолкших газетчиков, но на ступенях те уперлись намертво, отвоевать удалось лишь два или три верхних ряда.

— Пожалуй, пойду, — решил я. — Рад был увидеться...

Томас Смит потянул руку на прощанье, и в этот миг через оцепление проскочил растрепанный молодой человек.

— Умри, кровавый сатрап! — крикнул он и, прежде чем успел сорваться с места хоть кто-то из застигнутых врасплох неожиданным нападением полицейских, вскинул пистолет. — Свободу узникам совести!

Стоило бы стрелять молча, но политические лозунги для подобной публики всегда стояли на первом месте, и потому анархист сначала крикнул и лишь затем открыл стрельбу. Точнее, открыть стрельбу попытался, нисколько в этом не преуспев: его пистолет просто взорвался!

Обломки оружия разлетелись по сторонам раскаленной шрапнелью, никого при этом, к счастью, серьезно не зацепив, а несостоявшегося убийцу немедленно повалили на пол подоспевшие констебли. Впрочем, угрозы никому он теперь не представлял, более того — нуждался в неотложной помощи сам: из культы его изуродованной руки безостановочно хлестала кровь.

— Врача! — заголосил кто-то из газетчиков, но помог анархисту вовсе не полицейский медик.

Фон Нальц решительно растолкал окруживших его констеблей и приблизился к раненому. До меня донесся жгучий отголосок таланта сиятельного, а потом страшная рана зашипела и в один миг перестала кровоточить. Раненый парень тотчас перестал биться и обмяк на руках констеблей. Так, в бесчувственном состоянии, его и занесли в Ньютон-Маркт.

— Пресс-конференция переносится на более позднее время! — выкрикнул белый как мел адъютант главного инспектора.

Томас Смит сразу сообразил, чем будет чревата для нас любящая заминка, и потянул меня к боковому выходу.

— Идем! Иначе застрянем здесь до вечера!

Каким-то чудом нам удалось покинуть двор Ньютон-Маркта, прежде чем арку перекрыли подоспевшие констебли, а на улице Томас Смит сразу свернул в один из боковых проездов.

дов, где перед бакалейной лавкой его дожидалась самоходная коляска — тот самый «Форд-Т».

— Что это было, черт возьми?! — обратился ко мне сыщик, раскопегаривая паровой котел. — Лев, ты что-нибудь понимаешь?

— А что тут понимать? — хмыкнул я. — Это либо анархист, либо боевик очередной подпольной ячейки социалистов. Возможно, что и христианин, но это вряд ли. Лозунги у них совсем другие.

— Не это! — резко обернулся Смит. — Почему взорвался пистолет?!

— Главный инспектор — сиятельный. У него крайне... зажигательный талант.

— Ах вот оно что! — протянул сыщик, натянул шоферские краги и спросил: — Тебя подвезти?

Я на миг задумался, потом уточнил:

— Подкинешь на проспект Менделеева?

— Это где?

— Здесь недалеко. Я покажу.

— Покажешь? Тогда поехали!

Я уселся рядом с Томасом, и самоходная коляска тронулась с места и задергалась на неровной брусчатке переулка, чтобы уже через пару минут выехать к служебным воротам ближайшей станции подземки.

— Здесь направо, — подсказал я сыщику на перекрестке, и тот резко вывернул руль, едва не сбив при этом стоявшую на тротуаре старушку.

Вдогонку нам понеслись проклятия, но Смит и ухом не повел. Он прибавил скорость, обогнал телегу, проскочил перед самым носом полицейского броневика и вырулил на проспект Менделеева с такой уверенностью, словно всю жизнь колесил на самоходной коляске по запутанным улочкам Нового Вавилона.

Впрочем, вскоре удача оставила его. Не рискуя на полном ходу проскакивать через рельсы, Томас сбросил скорость до минимума, а потом «Форд-Т» вклинился в плотный транспортный поток, и дальше пришлось плестись с черепашьей скоростью.

Ветра не было, улицы заплотнялся смог, из-за неприятного запаха запершило в горле. Темные очки худо-бедно защищали

глаза от пыли, и все же я откровенно завидовал сыщику, который нацепил плотно прилегающие к лицу гогглы.

— Я в столице первый день, — сообщил Томас Смит. — Не знаешь какой-нибудь тихий спокойный отель в районе Центрального вокзала? Только чтобы без штанов не остаться.

— Ничего не подскажу.

— Мне рекомендовали «Генрих Герц».

— Извини, никогда о таком не слышал.

На одном из перекрестков у груженной пустыми бочками телеги отвалилось колесо, и она перегородила половину дороги. Возница и несколько добровольных помощников пытались то ли устранить неполадку, то ли освободить проезжую часть, но у них ничего толком не получалось. К остававшемуся свободным зазору выстроилась длинная вереница карет, повозок и самоходных колясок, и, как это обычно водится, извозчики и шоферы свистели, ругались и обещали оторвать друг другу голову, если им немедля не дадут проехать. Двое констеблей с философским спокойствием наблюдали за столпотворением с тротуара и ничего предпринимать не спешили.

Томас Смит тратить нервы на пустую ругань не стал, вытащил из планшета карту Нового Вавилона, развернул ее и попросил указать наше местоположение.

— Ага, — обрадовался сыщик, стоило мне выполнить его просьбу. — Лев, если я высажу тебя у моста Броуна, будет нормально? Думаю уехать по нему на другой берег Ярдена.

Я мельком взглянул на карту и согласился.

— Нормально.

И тут мое внимание привлекла карандашная пометка на самой границе Старого города. Просто жирная точка в одном из жилых кварталов, но хватило и этого.

— Был на бульваре Фарадея? — догадался я.

Томас Смит зашуршал бумагой, сворачивая карту.

— С чего ты взял? — искоса глянул он на меня.

— Простое предположение. Агентство расследует это дело?

В этот момент телегу наконец откатали с проезжей части, и движение возобновилось. Я решил, что ответа на вопрос уже не дожусь, но сыщик все же решил удовлетворить мое любопытство.

— Да, ты прав. Мне поручили это расследование, — со вздохом сообщил он после театральной паузы. — Но не стоит распространяться об этом, хорошо? Агентство не терпит трепачей, у меня могут быть неприятности.

— Ты же знаешь, я не из болтливых, — ответил я без ложной скромности.

— Очень на это рассчитываю, — вздохнул сыщик и вывернул к тротуару в надежде обогнать повозку, что на редкость медленно тащилась впереди, но ничего этим маневром не выгадал, поскольку в крайнем ряду неспешно катил тихоходный паровой грузовик.

Такими темпами до моста Броуна нам оставалось ехать никак не меньше десяти минут, и я решил продолжить расспросы.

— Так понимаю, это не простое убийство, раз тебя привлекли к нему. Либо замешан известный агентству Пинкертона малефик, либо...

— Либо, — перебил меня сыщик. — Ты все понял правильно.

Я присвистнул. Милой привычкой вырезать сердца жертвам отличались жрецы ацтеков, а заставить этих дикарей забраться столь далеко от родины могли только воистину чрезвычайные обстоятельства.

— Намечается что-то серьезное? — спросил я.

— Не знаю, — ответил Смит. — Никто не знает.

— Но ты здесь. И прибыл в столицу заранее.

— Ты же знаешь, как это обычно бывает, — хмыкнул Томас. — Кто-то что-то кому-то сболтнул, но концов уже не найти, и меня присылают во всем разобраться. Обычное дело, только на этот раз слухи подтвердились. Ацтеки действительно в городе.

Я кивнул, вполне допуская, что сейчас сыщик со мной вполне откровенен. Любому полицейскому прекрасно известно, сколь непросто бывает иной раз отследить человека, который первым распустил ту или иную сплетню.

В этот момент впереди наконец показался мост Броуна; Томас Смит повернул на него и остановил самоходную коляску, позволяя мне сойти на тротуар.

— Благодарю! — отсалютовал я сыщику.

Тот вскинул в прощальном жесте руку над головой, и «Форд-Т» покатил прочь.

Я тоже на мосту задерживаться не стал, перебежал через дорогу и заскочил на заднюю площадку медленно взбиравшегося на пригорок паровика. На нем я доехал до ближайшей станции подземки, спустился вниз и отправился на фабричную окраину. Требовалось незамедлительно переговорить с Рамоном Миро и выяснить, что именно он сделал с остальными ворованными пистолетами. Слишком многое было поставлено на карту, чтобы пускать ситуацию на самотек или доверять телефонному звонку...

4

В подземке оказалось на удивление немногочленно. Подошедший на станцию состав оказался без вагонов первого класса, но и во втором классе на протянувшихся вдоль бортов скамьях вопреки обыкновению обнаружилось изрядное количество свободных мест.

И что удивительней всего — вместе со мной на станции у Сталелитейного завода Маркхофа вагон покинули лишь три человека, хотя обычно здесь сходила едва ли не половина пассажиров.

Но только поднялся в вестибюль станции, и причина столь странного положения дел разъяснилась сама собой: с улицы доносились сливавшиеся в единый гул крики многоголосой толпы.

— Выборы! Право на отдых! Достойное жалованье!

— Нет увольнениям!

И снова:

— Выборы! Право на отдых! Достойное жалованье!

— Нет увольнениям!

— Выборы! Право на отдых! Достойное жалованье!

На улице шла стачка.

Я беззвучно выругался и с некоторой даже опаской подступил к дверям вестибюля, у которых нервно прохаживался перепуганный беспорядками дежурный по станции в форменной тужурке с железнодорожными нашивками и высокой фуражке с золоченой кокардой.

Впрочем, все оказалось не так уж и плохо: рабочих, запрудивших площадь перед заводоуправлением, сдерживали вы-

строившиеся в шеренгу констебли со щитами и дубинками в руках. Неподалеку от станции подземки замер броневик, и пулеметный ствол в его башенке нервно двигался из стороны в сторону, контролируя площадь. Рядом стояло несколько полицейских грузовиков, в кузовах которых дожидались своего часа стрелки с приведенными к бою самозарядными винтовками.

Неожиданно прозвучал резкий свисток, и полудюжина констеблей стремительным броском вклинилась в толпу протестующих. Сверкнули электрические разряды дубинок, кто-то вскрикнул от боли, кто-то заголосил благим матом. В следующий миг полицейские отступили обратно, волоча за собой отчаянно извивавшегося агитатора с разбитым в кровь лицом.

Рабочие кинулись на помощь товарищу, но констебли сомкнули шеренгу и погасили натиск, приняв его на выставленные перед собой щиты. Из толпы полетели пустые бутылки, выломанные из мостовой булыжники, железные пруты и обломки черепицы. Один из камней угодил констеблю в лицо, и бедолага с протяжным стоном осел на брусчатку. Коллеги поспешно унесли его к стоявшей у грузовиков карете «скорой помощи».

— Свободу братьям! — единым криком выдохнула толпа. Рабочие усилили напор, и полицейским пришлось отступить, но вскоре к ним подоспело подкрепление и ситуация выровнялась.

Только надолго ли? С высокого крыльца станции было прекрасно видно, что протестующими заполнена не только площадь перед заводоуправлением, но и примыкавшие к ней улицы.

Большого я рассмотреть не успел — какой-то излишне ретивый констебль из охраны грузовиков обратил на меня внимание и двинулся к станции, на ходу подтягивая ремешок шлема.

Я без промедления сбежал с крыльца и зашагал по улице прочь от шумной толпы. Констебль преследовать меня не стал и вернулся к броневiku. Не иначе принял за газетчика; на рабочего в своем недешевом костюме я несколько не походил.

Сейчас это обстоятельство позволило избежать объяснений с бывшими коллегами, но в дальнейшем дорогая одежда могла послужить причиной самых серьезных неприятностей:

попадавшие навстречу работники окрестных заводов поглядывали на меня с нескрываемым подозрением, а то и злостью. Еще летом ничего подобного не было и в помине, и оставалось лишь гадать, из-за чего произошло столь резкое обострение классовой борьбы.

Решив лишний раз не мозолить глаза представителям пролетариата, я свернул в первый попавшийся переулок и окольными путями пробрался к Слесарке — району частных мануфактур. В узких проездах сразу прибавилось грязи и мусора, стало попадаться еще больше людей, но одновременно я словно стал невидимкой. На Слесарке никому не было до меня никакого дела.

Оно и немудрено: добропорядочным обывателям тут делать нечего, и солидный господин мог оказаться либо жуликом, либо деловым партнером одного из местных дельцов. А здешние заправилы терпеть не могли, когда кто-то начинал совать нос в их дела. Да и частники классовой солидарности по отношению к заводским рабочим сроду не испытывали. Высокие идеалы равенства и братства тут были не в чести, значение имели только деньги.

Ночью шел дождь, дороги толком не подсохли, и, когда я добрался до конторы Рамона, мои туфли потеряли всякий вид. Отскрести комья грязи с подошв о железную решетку не получилось, лишь впустую потратил на это время, дожидаясь, пока кто-нибудь ответит на мой стук.

Я уже намеревался постучать вновь, но тут распахнулась калитка и на улицу выглянул невысокий паренек в рабочем комбинезоне, смуглый и черноволосый. Именно он изображал полицейского водителя, когда мы трясли индусов в поисках пропавшего бармена в мой прошлый приезд в столицу.

— Рамон у себя? — спросил я не здороваясь.

— Да, — ответил тот и посторонился, освобождая проход. — Он в конторе.

Я пересек двор и поднялся на второй этаж пристроенного к длинному складу флигеля, где и располагался кабинет моего бывшего напарника.

Рамон Миро сидел за столом и делал пометки в толстой амбарной книге. От происходившей из аборигенов Нового Света матери он унаследовал не только красноватый оттенок кожи,

но и внешнюю невозмутимость, и все же при моем появлении не удержался от удивленного присвиста.

— Лео?! — озадачился Рамон, рассеянно приглаживая черные жесткие волосы, которые стриг коротко, на военный манер. — Что на этот раз?

— Ничего хорошего, — ответил я, и в черных глазах бывшего констебля мелькнуло раздражение.

— А конкретней? — потребовал он объяснений.

Я встал у открытого окна и посмотрел на улицу. Низкая облачность растеклась над городом серым плотным пологом, густые клубы дыма из заводских труб ввинчивались в него огромными столпами, и лишь властвовавший на высоте ветер развеивал их, превращая в нарисованное небрежными мазками гениального живописца подобие мутных волн. Грузовые дирижабли на их фоне казались нападавшим в сточные воды сором.

— Лео! — заволновался Рамон, поднялся из-за стола и принялся расправлять закатанные рукава сорочки. — Что стряслось? Говори уже прямо!

— Ворованные пистолеты, — обернулся я к нему, — те, что предназначались для восставших Рио-де-Жанейро. Что ты сделал с ними?

— Ты просил избавиться от них, Лео, забыл? Я сделал все, как ты велел!

Я вздохнул.

— Рамон, каким именно образом ты избавился от них? Продал кому-то, спрятал или утопил в доках? Мне важно знать, что пистолеты не приведут к тебе наших бывших коллег, понимаешь?

— Утопил в канализационном коллекторе, — спокойно ответил Миро, и на его скуластом лице промелькнула непонятная ухмылка. — Что, не ожидал? Думал, стану мелочиться? Нет, Лео. Ты сказал — дело серьезное, и я избавился от них. У меня серьезное предприятие, не хочу прогореть из-за таких мелочей. К тому же ты компенсировал все издержки.

— Компенсировал, да, — кивнул я, с облегчением переводя дух.

После увольнения из полиции бывший констебль занялся частным сыском, и, к моему немалому удивлению, изрядно в этом деле преуспел. Что послужило тому причиной — опыт ра-

боты в полиции или заведенные за это время полезные знакомства, сказать было сложно.

Тот Рамон, которого я некогда знал, никогда бы не выкинул ящик новых пистолетов в канализационный коллектор, но люди меняются. По-крайней мере, мне хотелось в это верить.

— Может, теперь расскажешь, что происходит? — в свою очередь потребовал объяснений Рамон.

— Налей воды, в горе пересохло, — попросил я, уселся в шаткое кресло для посетителей и выставил перед собой перепачканные тушью для снятия отпечатков ладони. — Что, кстати, подсказывают твои дедуктивные способности?

Рамон Миро налил мне содовой, затем разбавил ею белое вино для себя.

— Говори! — потребовал он, сделав длинный глоток.

— Помнишь такого Бастиана Морана, старшего инспектора Третьего департамента?

Мой бывший напарник болезненно скривился. Вылетел со службы Рамон именно из-за этого господина.

Я в несколько глотков осушил стакан, жестом попросил приятеля наполнить его вновь и вздохнул.

— Моран решил, будто сумеет меня сожрать, — медленно произнес я после этого. — Он немного просчитался, но, если свяжет меня с тем пистолетом, я сяду надолго.

— Что ты натворил?

Врать я не стал.

— Помнишь, в начале лета мы как-то наведались к индусам, и примерно в это же время полицейские устроили облаву на тугов и застрелили шестерых?

— Да, дело было громкое, в газетах про него много писали. Главный инспектор даже получил благодарность от министра юстиции.

— Так вот, это сделали не полицейские, а я.

— Вот черт! — выругался Рамон, одним глотком допил вино и наполнил стакан вновь, добавив на этот раз содовой куда меньше, чем прежде. — Как на тебя вышли?

— По отпечаткам пальцев с гильз.

— И с такими уликами тебя отпустили из-под ареста? — удивился крепыш и насторожился: — Тебя ведь отпустили? Проклятье! Лео, скажи, что ты не удрал!

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. МИШЕНЬ. СЕРЕБРЯНЫЕ ПУЛИ И ДЫМОВАЯ ЗАВЕСА	5
Часть вторая. ПАЦИЕНТ. НАСЛЕДСТВЕННАЯ ПАТОЛОГИЯ И ЭЛЕКТРОТЕРАПИЯ	49
Часть третья. ОРАКУЛ. СНЫ И СНОВИДЕЦ	103
Часть четвертая. СТРЕЛОК. ЛИНЗЫ И ПАТЕНТОВАННЫЙ ГЛУШИТЕЛЬ МАКСИМА	149
Часть пятая. АНАРХИСТ. ДЕМОНЫ И БОМБЫ	223
Часть шестая. АНГЕЛ. ПРОКЛЯТАЯ КРОВЬ И ВОПЛОЩЕННЫЕ КОШМАРЫ	301